Моравиа А.

25/XI 89

Правда. - 1989 - 25 дек. - с. 7.

Художник

Наш зарубежный собеседник — Альберто МОРАВИА

● Альберто Моравиа — живой классик итальянской литературы. Скоро ему исполнится 82 года, но человек, весь в действии, в сегодняшнем дне: лишь год назад вышел очередной его роман «Поездка в Рим», а сейчас он уже работает над новым произведением.

КАК писатель Моравиа родился 60 лет назад. Страдая от костного туберкулеза, он несколько лет был прикован к постели, подолгу находился в больницах и санаториях. Там и написал свой первый роман «Равнодушные». И стал знаменитым. Известный итальянский публицист Э. Бьянджи вспоминал, что для его поколения «Равнодушные» стали «открытием обратной стороны Луны» — ведь роман резко контрастировал с официальным оптимизмом еще молодого фашистского режима, исподволь утверждая неизбежность его поражения.

С тех пор одних только романов вышло у писателя семнадцать. Вместе с рассказами, повестями, путевыми заметками и пьесами они составили 50 книг.

И едва ли не каждое его произведение, включая рассказы, переносилось на киноэкран или сцену. Причем нередко ведущими режиссерами. Витторио де Сика экранизировал «Чочару», Бернардо Бертолуччи — «Конформиста».

А. Моравиа всегда отличался и активной общественной позицией. Был депутатом Европарламента. Одной из общественных обязанностей Моравиа, сохраняющейся по сей день, является членство в президентском совете общества «Италия — СССР».

Знающие писателя люди предупреждали: человек он пожилой, журналисты ему надоели, во время разговора с ним может быть всякое. Но когда я поднялся на шестой этаж внешне заурядного дома на набережной Тибра и попал в просторную квартиру, увешанную картинами современных художников, навстречу вышел симпатичный и приветливый человек. Лишь брови были строгие, мефистофельские, с торчащими вразлет хохолками. Держался он прямо и бодро, но прихрамывал: семь лет назад попал в большую автомобильную аварию, после чего одна нога, по его собственным словам, «забастовала».

— Синьор Моравиа, остались еще страны, в которых вы не были?

— Остались, но немного. Австралия, Аргентина, Чили, Пакистан... Хотя нет, в Пакистане, помоему, уже был.

— А что вас побуждает к путешествию — любопытство, непоседливость, необходимость сбора материалов?

— Ну, во-первых,— смена образа жизни. Хоть на несколько дней. Когда я чувствую, что не могу больше находиться в Риме, работа не идет, уезжаю. И по возвращении обычно все меняется, проблемы решаются сами собой. Мои собственные, внутренние проблемы.

И потом — меня вообще интересует то, что творится в мире. Таким уж я родился. А чтобы понять, что происходит, самое лучшее — поехать и посмотреть самому. Из газет ведь ничего не поймешь.

— У вас, наверное, везде много друзей?

— Да нет, настоящих друзей немного. И они, как правило, значительно меня моложе. Прежде всего потому, что из моих ровесников никого уже не осталось в живых. А потом — моя жизнь в принципе так и не стала жизнью взрослого человека. В чем-то я остался, не желая того, подростком. Поэтому среди молодежи чувствую себя лучше...

— Вот вы ездите по современному миру. Что вы о нем думаете?

— Больше в нем, пожалуй, того, что мне не очень нравится. Например, ставшие слишком большими города, их сумасшедшее уличное движение. Я считаю, что именно автомашины и строительные спекулянты разрушили старый Рим, превратив его в подобие огромного гаража. Не нравится уничтожение природы, ставшее везде чрезвычайно серьезной проблемой.

Не нравится ядерная бомба. Когда-то меня избрали в Европарламент именно на основе программы борьбы с ней. Если говорить о более широких категориях, мне никак не нравится несправедливость в любом ее проявлении. Не нравится война... А вот достижения научно-технического прогресса вызывают интерес.

— Тогда ответьте: вы, я знаю, специально ездили в нашу страну вскоре после трагедии Чернобыля. В Италии — если судить по результатам общенационального референдума — преобладает мнение, что атомная энергетика — зло и от нее надо решительно отказаться. А какова ваша точка зрения?

— Надо больше предосторожностей при ее использовании. Эта энергия еще опасна. Прогресс науки и техники — благо, если его не используют для производства нового оружия и если его сопровождает разумная осторожность. На мой взгляд, атомная энергетика полезна как источник энергии. Но факт и то, что, например, в Соединенных Штатах и ФРГ многие АЭС были закрыты. Почему? Невыгодны, слишком дорого обходятся.

— А что подсказывает ваш опыт борьбы против бомбы: в состоянии человек сегодня покончить с войной?

— Тут, на мой взгляд, ситуация непростая. Атомную бомбу из нашей жизни убрать можно. Но само по себе это могло бы только способствовать возникновению войны. Потому что, конечно, атомное оружие — сдерживающий фактор: никому на самом деле не хочется его применять. Поэтому я говорю: да, надо ликвидировать все ядерные бомбы. Но одновременно надо сделать так, чтобы была ликвидирована и война вообще, то есть необходимо уничтожить и обычные вооружения — тем более что сегодня и они ужасны.

— Если не возражаете, поговорим о писателе Альберто Моравиа. Недавно в одной из статей вас называли «истинным эпикурейцем». Вы действительно по натуре эпикуреец?

— Наоборот, очень мало на него похож. В еде, например, предпочитаю самые простые вещи. И вообще для меня главное не получить удовольствие, а суметь выразить себя. Что бывает, кстати, весьма сложно.

— Вы в детстве много и сильно болели. Несмотря на это, сейчас вы, что называется, в полном здравии, не потеряв ни способности, ни желания работать. В чем секрет?

— Ну, во-первых, сейчас я уже не чувствую себя очень хорошо — вынужден ходить с палочкой. А помогло мне, наверное, как раз то, что я — не эпикуреец... Но если серьезно, мне очень нравится работать, а это продлевает жизнь...

— Кстати, о работе: как-то вы признались, что у вас есть только одна привычка, сопровождающая вас всю жизнь: каждое утро проводить за письменным столом. Она сохраняется?

— Да, я всегда встаю в семь. Вернее, просыпаюсь в 6, но жду до 7 и встаю вместе с женой. Потом мы вместе завтракаем. После чего жена уезжает работать в свою студию, которая у нее в другом районе. Вы, конечно, знаете, что она у меня молодая — 35 лет (как истинный джентльмен, мой собеседник, хоть и совсем не намного, но все же убавил возраст своей очаровательной супруги, испанской журналистки и писательницы Кармен Льеры. Познакомились они девять лет назад во время интервью. В 1986 году поженились). Я же иду в свой кабинет и пишу. Каждый день с 7.30 до одиннадцати.

— Когда вы почувствовали себя писателем? После первого романа, сделавшего вас знаменитым?

— Видите ли, литераторами становятся, но романистами — рождаются. Можно стать литератором, обладая только умом, определенной культурой... Романистом — нет. Это призвание. Так вот, думаю, что я родился романистом. Сколько себя помню, очень мне нравилось что-то рассказывать другим ребятам. И даже самому себе.

— Вы не раз утверждали, что выросли на зарубежной литературе. Что база вашей культуры — русско-англо-французская...

— Я воспитан на европейском романе. А что такое европейский роман? Это роман русский, французский и английский. Других нет. На меня, например, оказал большое влияние Достоевский. Даже с точки зрения техники. Когда я писал «Равнодушных», то хотел сплавить технику романа с техникой драмы. У Достоевского именно так. Его романы все построены на диалогах. Я настолько восхищался им, что вначале мне казалось: он уже сказал все, что мог и хотел сказать я.

— Иногда говорят, что достаточно иметь талант и он в конце концов пробьет себе дорогу. Другие утверждают, что, кроме таланта, неплохо иметь и удачу, без которой можно остаться в безвестности. Вы прославились моментально, будучи совсем молодым. Какой точке зрения вы отдали бы предпочтение?

— На мой взгляд, писатель — это талант плюс адский труд. Удача только в том, что ты появился на свет с «божьей искрой». А дальше надо работать. В литературе нет просто везения.

— Вы написали много хороших книг. Как они у вас рождаются?

— Очень тяжело. В рекордно короткий для меня срок — всего за год — я написал лишь роман «Римлянка». Сразу после войны. Помню, первый вариант его я кончил уже через четыре месяца. 550 страниц.

Но обычно сроки у меня намного больше. Минимум 3 года. Роман «Внутренняя жизнь» писал вообще семь лет. Первый вариант, второй, третий... Сколько понадобится.

— Во многих ваших произведениях действие происходит в Риме, где вы родились. Вместе с тем помню слова Моравиа о том, что Рим в его книгах — только фон, что «Римские рассказы» на самом деле — псевдоримские...

— А я совсем не римский писатель. То есть истории, которые я рассказываю, прекрасно могли бы происходить, скажем, в Москве. В «Римских рассказах» все выдумка. Город в них — так, условная декорация. У меня порой специально даны ошибочные адреса, перепутаны названия улиц.

Книги рождаются у меня не из жизненного опыта, их рождает мое воображение. Опыт, то есть реальность, беден, беднее, чем литература. Его надо обогащать. На мой взгляд, искусство возникает при встрече между мной — субъектом и объектом — реальностью. Поэтому оно не является только автобиографичным.

Хотя, конечно, автобиография тоже присутствует. Например, в «Чочаре» воплощены элементы личного опыта, пережитого во время войны. И в «Римлянке». В конечном счете, как Флобер говорил, что мадам Бовари —это он, так и я могу сказать, что римлянка — это я сам.

— Многие ваши книги стали фильмами. Как вы относитесь к экранизациям?

— Фильм — это художественное произведение. Роман тоже. Но это два разных вида искусств. Если режиссер самобытен, он обычно не хранит верности литературному оригиналу. Верность хранят чаще те, кто отнюдь не самобытен. Но, может быть, первый вариант все же лучше...

— Как вы считаете, новое поколение итальянцев вас читает и понимает? Или просто относится с почтением как к маститому писателю?

— Лично мне собственные книги не нравятся. Мне нравятся те, что написаны другими. Но люди мои книги покупают. И, думаю, покупают все же потому, что они им нравятся. Но я пишу не для кого-то, а для того, чтобы через этот процесс решить проблему самовыражения.

— Ну а если не писателем, то кем бы вы хотели стать?

— Художником. Даже вообще предпочел бы стать художником. Живопись обворожительна. Это тот вид искусства, который восхищает меня больше всего...

Н. МИРОШНИК.
(Соб. корр. «Правды»).
г. Рим, декабрь.